

В. Г. Белинский

**Повести и рассказы П.
Каменского**

Виссарион Григорьевич Белинский

Повести и рассказы П. Каменского

«...Может быть, г. Каменский и в самом деле пишет очень хорошо; может быть, он и в самом деле второй Марлинский, если нам мало было одного; может быть, его повести и в самом деле прекрасны: все это может быть; но мы хотим говорить не о том, как может быть, а о том, как нам кажется. Признаемся откровенно, что касается собственно до нас, то нам «Повести и рассказы» г. Каменского очень не нравятся. Мы не хотим этим сказать, чтобы они были дурны, – нет, сохрани нас бог от такого решительного приговора, вопреки мнению стольких знатоков и судей изящного! – Но они нам кажутся очень утомительными, чтоб не сказать – скучными...»

Содержание

#1	0005
Примечания	0013

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Повести и рассказы П.
Каменского**

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ П. КАМЕНСКО-ГО. Санкт-Петербург, 1838. В типографии III отд. собств. е. и. в. канцелярии. Две части: I – 266; II – 248. (16).

Имя г. Каменского совершенно новое в нашей литературе, и, несмотря на то, оно уже пользуется громкою известностию между петербургскою пишущею братиею. Его повестями украшаются петербургские журналы и альманахи; его повести восхваляются почти во всех тамошних журналах^{1}. Что за причина такой внезапной и быстрой славы? – уж, конечно, талант г. Каменского.

Может быть, г. Каменский и в самом деле пишет очень хорошо; может быть, он и в самом деле второй Марлинский, если нам мало было одного; может быть, его повести и в самом деле прекрасны: все это может быть; но мы хотим говорить не о том, как может быть, а о том, как нам кажется. Признаемся откровенно, что касается собственно до нас, то нам «Повести и рассказы» г. Каменского очень не нравятся. Мы не хотим этим сказать, чтобы они были дурны, – нет, сохрани нас бог от такого решительного приговора, вопреки мнению стольких знатоков и судей изящного! – Но они нам кажутся очень утомительными, чтоб не сказать – скучными. Может быть, в этом виновата наша субъективность? – Да че-

го не может быть! Как бы то ни было, но, решась, по долгу добросовестного рецензента, прочесть во чтобы то ни стало «Повести и рассказы» г. Каменского, мы признали себя решительно побежденными на половине занимательной повести «Письма Энского», которая стоит предпоследнею статьею) в первой части{2}. За вторую мы и не принимались. Впрочем, она нам не совсем незнакома: на конце ее мы с ужасом увидели повесть «Конец мира»{3}, от которой уже однажды мы чуть было не отчаялись в конце своей жизни и от которой навеки заснул грозный Султан-Публик-Багадур{4}. Признаемся: было от чего заснуть сном непробудным!

Истинные поэты потому живописуют нравы и обычаи страны, избранной ими театром своего романа или повести, что без этого их лица были бы призраками, а не действительными, живыми созданиями. Для них нравы и обычаи – дело второстепенное, постороннее, о котором они нисколько не заботятся, но которое у них само собою, как бы без их ведома, формируется и осуществляется. У мнимых поэтов, напротив, вся сущность – в изображе-

нии местности, нравов и обычаев страны, а характеры, завязка и развязка – дело второстепенное и постороннее. Эта несчастная завязка и развязка у них не больше, как рамка, в которую можно вставить какую угодно картину. Кавказ интересует всех и дикою красотой своей первобытной природы и дикими нравами своих обитателей; и вот стали являться беспрестанные описания этой страны, по большей части в форме повестей. Тут обыкновенно описывается горский князь, молодой и прекрасный, с дикими страстями и сильною душою, который или страшно мстит врагу, или зарезывает родного отца, чтобы поскорее прибрать к рукам его владение. Если дело идет о Кавказе, то никогда не ищите в повести ничего тихого, веселого или забавного: повесть обыкновенно начинается громкими фразами, а оканчивается резнёю, предательством, отцеубийством. Конечно, все это бывает в жизни, и на Кавказе больше, нежели где-нибудь; но ведь это только одна сторона жизни горцев: зачем же *отвлекать* только одну ее? Оно, конечно, эффектно, но одно да одно – воля ваша – наскучает.

Г-н Каменский до того увлекается описательной стороной поэзии, что его «Повести и рассказы» могут заменить не только статистику и топографию Кавказа, но и словари грузинского, черкесского и турецкого языков. {5} «*Мой дениз или дорья* тянулась, вилась... Он шел и не сводил взора с моего *панджари*». В примечаниях, которых к повести на 73 страничках ровно 61, в примечаниях вы узнаете, что *дениз* значит *море*, а *панджари* – *окошко*. Не все ли это равно, что в повести, сцена которой во Франции, героиню заставить говорить так: «Моя *мер* тянулась, вилась; я сидела у моего *фенетра*», а потом, в примечаниях, сказать, что *мер* значит *море*, а *fenetre* – *окошко?*..

Но главное, что хуже всего в «Повестях и рассказах» г. Каменского, это его страстная охота быть вторым Марлинским. И поэтому у него «*лучи солнца ломаются о лоно дышащего моря; солнце проникает на (вместо в) грудь моря и целуется с ним (с морем); Гуго с восточной негой обтекает взорами свою возлюбленную; луна бросает снопы света на усыпленную грудь земли; река Кура походит на ма-*

ститого старца, с висячею думою на челе, с ропотом и грустью о прошлом; но что все убеждения самого услужливого, теплого участия против лавы любви матери! Пленительный цветник умилительных утешений и золотая храмина, могучий столп философских советов и убеждений равно рушатся, поглощаются ее огненным потоком. (Как хорошо!) Кто надышал на тебя цепенящий холод убийственного ко мне равнодушия?»{6}

Больше всего удивила нас повесть «Письма Энского» – та самая, которой мы не могли дочесть, удивила нас явным подражанием и в чувствах, и в мыслях, и в выражении – кому бы вы думали? – г. Платону Смирновскому{7}. Впрочем, зачем везде искать подражания: гора с горою сходится, а человек с человеком и подавно, говорит русская пословица.

Послушаем, что говорит г. Платон Смирновский: {8}

Я на выбор отобрал поэтов и поэзию, отослал то и другое за предел мира. Силою воли выбросил себя на безвредную дистанцию от всевозможных проз, предварительно начинив ее про-

защечную пустую внутренность всеми убийственными газами, всеми воспалительными, горючими веществами, и потом сдавливал ее между двух полюсов, ежеминутно усиливая давление, и с хохотом любовался, как волновался мир, как волновалась проза; прыгал в бешеной радости, кричал и бесновался от восторга и наслаждения, когда наконец лопался мир и, как пыль, разлеталась грязь и проза.

Теперь послушаем, что говорит г. Энский, герой повести г. Каменского «Письма»:

Ах, как я понимаю теперь холодное презрение, переполнявшее душу какого-нибудь Наполеона, взиравшего с его горней точки на это человечество... Я понимаю Нерона (боже мой, какой ужасный человек этот г. Энский!), наслаждавшегося зрелищем пожара Рима... Ах! как охотно вдруг обрушил бы я всё, разорвал эту стройную цепь творения, ниспровергнул бы все миры! Мир человеческий я вдавил бы, втискал в волосяную трубку Реомюра снаряда и потом преспокойно стал бы любоваться картиной всеобщего хаоса...

Это карикатурное кроки по крайней мере рассмешило бы меня...

Послушаем еще раз г. Платона Смирновского:

Если хотите знать, что я был? Если хотите, я отвечаю: я был рожден поэтом. Но люди едва увидели меня в их обществе, насильно схватили, утащили в мир прозы, оклеили, обшили, окутали меня прозой, и вообразите?.. Они хлопотали для сбережения меня от огня поэзии, боялись, чтобы я не сгорел от лучей ее, в дни лета. А на зиму, в душную, скучную осень, бросили меня в четыре стены, в могилу, где, кроме ежедневного обеда, ежедневного сна, ежедневного курения табака – нет ничего!

Теперь послушаем еще раз Энского, героя повести г. Каменского «Письма»:

Ты знаешь, как меня любили люди! с какими объятиями встретили они меня. Боже мой! с первого дня моей жизни, они (кто – люди или объятия?) казались мне уже холодными объятиями костяных рук – могильных выход-

цев... Я просил у них немногого, возможного, умолял со слезами, но эти слезы были слишком крупны для душ мелких, слишком обильны для нищих духом, слишком жгучи для полузамерзших камчадалов... меня отвергли, презрели и обрекли на аутодафе мелким огнем, на коснение ума, сердца, всех способностей души и тела.

Не правда ли, что сходство в мыслях и выражении поразительно? Но ведь и то сказать: *les beaux esprits se rencontrent!*[1]

Примечания

Впервые – «Московский наблюдатель», 1838, ч. XVII, июнь, кн. 1, «Литературная хроника», с. 391–395 (ц. р. 28 августа; вып. в свет 7 сентября). Без подписи. Вошло в КСсБ, ч. II, с. 403–407.

И. И. Панаев писал Белинскому 11 октября 1838 года по прочтения данной рецензии: «Жму Вам руку крепко и крепко за слово о Каменском». Здесь же Панаев замечал, что Каменский «со своим языком *рококо* и с претензией на знаменитость смешон в высшей степени» и что Белинский охарактеризовал его «как нельзя лучше» («Белинский и корреспонденты», с. 200).

Сноски

1

великие умы сходятся! (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Хвалебные отзывы о повестях П. Каменского были напечатаны в «Современнике» (1838, т. X, № 2, отд. IV, с. 59–60 первой нумерации), «Сыне отечества» (1838, № 4, отд. IV, с. 163), в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» (1838, № 21, 21 мая, с. 412) и «Северной пчеле» (1838, № 89, 22 апреля), в которой Булгарин писал: «Я велел переплести «Повести П. Каменского» и поставил рядом с «Повестями Марлинского». Все другие наши повествователи крепко поотстали» (с. 356).

[^^^]

2

«Письма Энского к одному из своих приятелей в Петербурге. Отрывок из романа» (ч. I, с. 159–201) – это главы из романа «Искатель сильных ощущений», который вышел из печати в 1839 г. и на который Белинский написал остроироническую рецензию (см. наст. т.).

[^^^]

3

Повесть «Конец мира» была напечатана в «Альманахе на 1838 год».

[^^^]

4

Султан-Пюблик-Багадур – герой шуточного повествования в «Библиотеке для чтения», содержавшего отзывы о новых произведениях. Страдающий бессонницей Султан засыпает, когда ему рассказывают одну из повестей, напечатанную в «Альманахе на 1838 год» («Библиотека для чтения», 1838, т. XXVI, отд. VI «Литературная летопись», с. 45–46).

[^^^]

5

Далее приводятся цитаты из повести «Келиш-бей», помещенной в первой части «Повестей и рассказов» (с. 14 и 15). Курсивы в цитатах принадлежат Белинскому.

[^^^]

6

Цитаты взяты из ч. I, с. 20, 87, 92, 102, 139–140.
Курсивы Белинского.

[^^^]

7

В рецензии на «Повести и рассказы» П. Смирновского (СПб., 1838) Белинский высмеял его «претензии на гениальность» (Белинский, АН СССР, т. II, с. 455).

[^^^]

Далее цитируются предисловие к «Повестям и рассказам» П. Смирновского – «Миниатюрный эскиз шестилетней моей жизни» (с. XII–XIII, IX–X) и первая часть «Повестей и рассказов» П. Каменского (с. 163, 167). Курсивы Белинского.

[^^^]

[^^^]